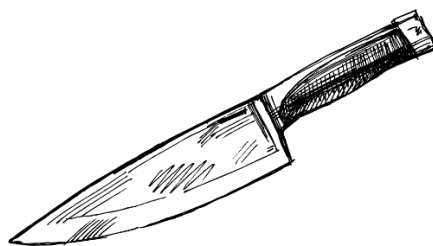

Путь ножа

Май девяносто третьего дышал полной грудью. Воздух, уже по-летнему тёплый, сохранял неуловимую весеннюю свежесть и белизну. До чего же замечательные стояли деньки! Неблагодарным занятием было бы рассказывать тут о хорошей погоде, ведь других погод в наших краях поздней весной не бывает.

Несколько портило майскую идиллию уходящее детство... окончание третьего класса – не шутки. Пройдёт лето, и начнётся настоящая взрослая жизнь с квадратными корнями, сложноподчинёнными предложениями, прилежащими катетами и прочими ужасами. А готов ли я стать пятиклассником? Вопрос! И искать на него ответ не было ни малейшего желания. Хотелось просто бежать по степному разнотравью, гонять сонных кузнечиков и без всякой меры поглощать пьянящий весенне-летний воздух. Короче – жить. Школа, впрочем, имела свои виды на судьбу третьеклассников: на конец недели были назначены итоговые экзамены. Панического страха перед этой процедурой я не испытывал, хотя и светлых откровений от неё не ждал.

Младшие классы дались мне нелегко. Значительные усилия ушли на поддержание успеваемости чуть ниже средней. Но самым прискорбным было, что эта самоотверженная борьба проходила под девизом «потому что надо!». Сомнительная установка, доложу я вам. Вот с отличниками всё понятно – они обласканы вниманием и похвалами учителей, согреты глубокой удовлетворённостью родителей, награждены самоуважением – словом, заняли законное место под неярким школярским солнцем. Хулиганы тоже не внакладе – бунтари, борцы с системой, участники заговорщических кружков. Их диковатые повадки – прекрасный способ диктовать учителям условия. А мы – середнячки – настоящие стратотерпцы. Именно нам, тихим и заурядным, больше всего достаётся от школьной машины. И благодарность особенно скупа, и упрёк особенно горек. Ладно. Настанет день экзаменов, и будь что будет... Не убьют же меня в конце концов? Самое паршивое, что может произойти, – переведут из гимназического класса во вторую смену. Коллектив там, конечно, ещё тот, но от судьбы не убежишь...

А лето стояло у самых стен таврической цитадели. Его точно не интересовали мои диктанты и арифметические выкладки. Впереди коварные уступки и остервенелые трели цикад, потрескавшиеся от пекла балаклавские склоны и спасительная морская прохлада. Вот что важно, вот что объективно.

* * *

Сквозь приоткрытое окно и рифлёные стекла родительской лоджии ласково накатывали золотистые вечерние лучи. С осторожностью пробрался я через нагромождение из линялых матрасов и ящиков с инструментами к пыльному подоконнику, чтоб на минутку поглядеть в даль. Там, на горизонте, где уже начала разворачиваться грандиозная битва сиреневого, розового и голубого, надёжной глыбой виднелся паучий профиль мыса Айя. Кто из нас не хотел видеть своим другом, пусть тайным, какого-нибудь доброго дракона или непобедимого робота, бородатого волшебника на худой конец?.. Ну так вот, покровителем моего одиночества стал громадный каменный тарантул.

Оттолкнувшись от оконной рамы и подставив спину заходящему светилу, я повернул в сторону отцовского верстака. Лоджия выполняла одновременно функции кладовки и мастерской. И хоть обе роли давались ей скверно, а более подходящим образом помещение обустроить никто не собирался, я находил этот закуток идеальным местом для заседаний. Матрасы и прочие старые тряпки превращали пол в огромный пуф, в складках которого не составляло труда уютно разместиться, а целый набор разномастных вещиц, от латунной астролябии до куска оленьих рогов, вполне подходил, чтобы скрасить досуг. Также доморощенный штаб был предусмотрительно оборудован массивной корабельной радиостанцией, управление которой представлялось мне куда увлекательнее игры в «Морской бой» на знаменитом советском автомате. Сегодня, правда, душа к занятиям радиосвязью не лежала, и я не спеша оглядывал покрытое рыжими солнечными пятнами помещение в поисках чего-то новенького. Яркий причудливой формы блик указывал на ящик желтоватого пластика, кустарно закреплённый под крышкой верстака. В нём лежали полотна напильников, советская мелочь и он. Нож. Пожалуй, самый внушительный нож на свете.

Это изделие, примечательное главным образом ржавым лезвием с безнадёжно тупой кромкой, не имело, конечно, ничего общего с настоящим оружием. Но тогда... тогда мне казалось, что тесак (так будет уважительнее его назвать) буквально источал дьявольскую харизму. Некогда он был простым кухонным ножом размерами чуть больше среднего. Время не пощадило деревянных накладок рукояти, и теперь их заменяла обмотка из

жёлтого провода. Сталь по всей поверхности покрывал фактурный слой окислов, слишком тонкий, чтобы клинок потерял форму, однако достаточный для создания впечатления серьёзной, бывалой вещи. Тёртый калач, просоленный морской волк. Да, он казался, а не был, но разве этого мало для девятилетнего мальчугана, выросшего на гонконгских боевиках?

Я долго крутил нож в руках, осторожно проверял «заточку», делал выпады в сторону воображаемого противника, словом, валял дурака. Но когда стискивал проволочную рукоять в правой ладони, когда смотрел на бурый клык лезвия, что-то во мне трепетало.

* * *

Время отхода ко сну – ключевое для принятия решений. Утро вечера мудренее, а эта самая утренняя мудрость заготавливается как раз с вечера. Порой перед сном ты остаёшься один на один со страхами и, мучительно ворочаясь с боку на бок, долго не находишь лазейки в завтрашний день. А бывает и так, что завтрашний день сам собой выстраивается в воображении за какие-то минуты. Это и получилось у меня тем майским вечером. В голове созрел замысел, который разом отодвинул экзамены и всё, что с ними связано, на второй план, заставив губы растянуться в невольной улыбке. Жизнь, казалось, готовилась сделать новый, неожиданный поворот.

Проснувшись в боевом настроении, я закружился в вихре предэкзаменационных забот. Точнее – забот, связанных с реализацией секретного плана, замаскированных под предэкзаменационные. Напряжение, создавшееся в юном организме, заставляло непрерывно курсировать между всеми тремя комнатами, кухней и лоджией. Решение арифметических примеров и штудирование учебников были в этом роении самыми успокаивающими занятиями. К концу дня стало ясно, что ночная задумка полностью вытеснила школьную тематику из моей головы.

Утро перед экзаменами чем-то напоминало подготовку камикадзе к последнему вылету. Уйма времени потрачена на глажку и придирчивую примерку парадной формы. Отдельная радость – рубашка с коротким рукавом. Я считал её верхом стиля и горевал, если мама не соглашалась с моим выбором, ссылаясь на прохладную погоду. На дворе было как раз довольно свежо, но наготове имелась уловка, примирявшая стороны, да ещё и ценная для осуществления тайного замысла. Хитрость состояла в том, чтобы надеть поверх рубашки оранжевую ветровку. Эта невесомая курточка, сшитая из яркой синтетической ткани и не имевшая намёка на подкладку, была мне очень по душе. Её цвет и лёгкость били точно в цель. В рукав ветровки перед самым выходом из дому я и перепрятал нож.

Почти всю дорогу в школу, а это минут пятнадцать пешком, я старался найти для своего грозного спутника удобное положение в складках куртки. Совершенно не хотелось ни напарываться на лезвие, ни привлекать внимание прохожих. При входе в младший корпус я скомкал ветровку и бережно понёс этот свёрток с железной начинкой в кабинет, где ребята оставляли личные вещи на время экзаменов.

Три часа, отведённые на математику и русский язык, прошли спокойно и почти незаметно. Эйфория почему-то накрыла коллектив уже после окончания испытаний. Мы с одноклассниками добрый час галдели в пустых школьных коридорах, не столько обсуждая задания и предполагаемые результаты, сколько подбадривая друг друга всякими занимательными историями для снятия накопившегося напряжения. Экзамен будто бы сплотил нас: отличники не зазнавались, троечники не впадали в уныние, а хорошисты не отмалчивались в сторонке. Окончив третий класс и ещё не начав пятый, мы имели кратковременную возможность просто побыть детьми.

Школу я покинул одним из последних после долгого разговора с Серёжей, нашим «штатным» отличником. Все три младших класса мы – представители разных «каст» – толком не общались, словно поджидая этого последнего дня, дня нарушения обычаев. Экзамен сделал нас равными, а тесак, спрятанный в ветровке, поднял меня на высоту, для Серёжи абсолютно недостижимую. И, признаюсь, я наслаждался этим моментом тайного высокомерия. Завтра Вселенная, возможно, расставит всё по местам, оценив нас самым привычным образом, но это будет уже другая история.

* * *

Конечно же, не только душевные беседы заставляли медлить с обратной дорогой. Миновав аллею ореховых деревьев, что перед школьными воротами, я снова попал в неограниченную власть позавчерашнего плана. Одна мысль о нём вызывала сильнейшее волнение, граничащее с паникой. И все надежды на успех сосредоточились вокруг старого кухонного ножа, болтавшегося в рукаве рыжей ветровки. Итак, я хотел вынести ларёк. Не то чтобы вооружённые ограбления считались в наше время редкостью, но для мальчишки, только что закончившего третий класс, подобное деяние и по меркам девяносто третьего смотрелось бы, пожалуй, излишне дерзким. Другой вопрос, что задача для налёта была поставлена скромная. Всего лишь Сникерс. Не купленный и уж конечно не украденный, а взятый силой оружия. Картина преступления в голове вырисовалась простая: стою возле ларька и жду момента, когда не будет прохожих, подхожу к окошку и, выставив тесак в

сторону продавца, забираю шоколадку. А дальше сваливаю. Через пустырь, во дворы. Безупречная схема.

Цель предполагаемого нападения располагалась примерно посередине между школой и домом. Железная будка киоска одиноко стояла напротив Хрюшки, небольшого рынка, спрятавшегося за зелёной стеной лесополосы. Позади ларька раскинулся пустырь, за пустырём – стройка, за стройкой – дворы малосемеек с хитрыми подъездами, которые я неплохо знал.

Солнце щедро покрывало красновато-бурыми мазками сосновую хвою, устилавшую тропинку, что вела меня в сторону цели. День степенно перетекал в затяжной вечер. Бабки, торговавшие иногда разной мелочёвкой на нашей стороне проспекта, уже разошлись по домам. Не без удовлетворения сделал я это наблюдение. Лишние свидетели в таком деле не нужны.

Возле окошка ларька стоял мужичок в грязновато-бежевом двубортном плаще. Эта жуликоватого вида усатая рожа покупала сигареты да придирчиво выбирала какие-то сосательные конфеты. Неторопливый покупатель дал возможность подойти поближе и лучше оценить обстановку. Товар отпускала улыбчивая девушка. Окошко было меньше, чем я рассчитывал. На подоконнике справа стоял открытый блок жвачки не слишком ценного сорта. «Турбо» не рискнули бы так оставить. А вот, слева, чуть сдвинутая в глубину, виднелась коробка с шоколадом. Ассорти, конечно. Массовка. А главная роль у *него* – пухленького батончика в обёртке благородного коричневого цвета с крупной надписью белыми буквами на ярко-синем фоне. В нём ровно шестьдесят граммов веса, жареный арахис, мягкая карамель и толстый-толстый слой шоколада. Несколько штук лежит прямо в центре коробки.

Нож стал нервно ёрзать под складками ветровки, призывая к действию. Подойди и возьми – что может быть проще? Оружием размахивать не нужно, просто держи его наготове, чтоб в случае чего обозначить личное пространство. Я двинулся к окошку... облокотился на подоконник и, слегка выдвинув левую руку вперёд, просунул голову внутрь, стараясь изобразить дружелюбного покупателя. Увиденное вызвало краткое оцепенение... в глубине ларька, за спиной продавщицы, сидел мужик. Точнее, крепкий парень, на вид лет двадцати. «Всё пропало!» – вот единственная мысль, которая в эти минуты отчётливо фиксировалась в голове. Мне, однако, удалось преодолеть внутреннее сопротивление и произнести: «Здравствуйте, а у вас э-э-э-э фонарики блестящие есть?». Девушка переглянулась со своим спутником и сказала, что фонариков у них не бывает. Стирая пот со лба, я отполз от ларька

и побрёл в сторону дома. В животе пульсировал страх. Возле троллейбусной конечной подкашивающиеся ноги свернули в сосны, кора которых нарядно поблёскивала в косых вечерних лучах. Что-то мягко бухнулось на хвою. Тесак. Что ж он не помог в секунды смятения, почему не придал уверенности? Впрочем, разве он виноват? Разве не был готов? Умей нож говорить, наверняка бы высказал всё, что думает о твёрдости духа своего владельца.

Приступ злости на собственную трусость вывел меня из прострации. Решено было вернуться к ларьку. Нет, я не изобрёл новой тактики, не знал, как действовать наверняка, но и просто плюнуть на затею, которая успела стать частью моего существа, не смел.

А обстановка за прошедшие минуты не поменялась совершенно. Всё те же редкие покупатели, та же девушка-продавщица да парнишка плотного телосложения, её телохранитель. Сначала я стоял чуть поодаль, вне поля зрения торговцев, пытаюсь придумать верный ход. Положим, надёжность в простоте, а самое простое – занять позицию прямо рядом с «бойницей» железной крепости. Идея нехитрая: понаблюдать за ларёчниками, уяснить какие-то нюансы их поведения, а заодно поиграть в открытую, примелькаться, стать частью фона. Признаться, новый подход не выглядел особенно многообещающим, однако искать в нём изъяны просто не было сил. Чего греха таить, я скис. Дерзкий охотник сменился жалким стервятником, рассчитывающим на благоприятное стечение обстоятельств.

Покупатели подходили в лучшем случае раз в две-три минуты. Отчётливо запомнилось появление модной студентки в дутой белой куртке. Эта счастливица приобретала пачку Стиморола. Её холёные пальцы небрежно захватили тёмно-фиолетовый глянец обёртки, и тут ценная покупка выскользнула на подоконник. Молниеносным движением я подобрал жвачку и передал её в узкую ладонь растерявшейся барышни. По лицам обеих девушек скользнула улыбка одобрения. Стало ясно, что эта случайность обеспечила мне кредит доверия со стороны обитателей торговой точки. Но как им воспользоваться?..

Солнце настойчиво двигалось к горизонту, и каждая минута, приближающая окончание светового дня, наполняла сердце досадой. Сейчас или никогда – вот что нащёптывала моя гордыня, детская упёртость. Обойдя ларёк кругом, я обратил внимание на примечательную деталь: к полотну металлической входной двери была приварена петля для навесного замка. Ответная петля, естественно, торчала и из стенки рядом с дверью. Стоило всего-навсего найти прочную палочку подходящего размера, чтобы заблокировать

продавщице и её напарнику выход из их крепости. Вариант стопроцентный. Я даже подобрал пару крепких сосновых сучков, вполне способных если не наглухо запереть, то существенно задержать моих противников. Однако реализовывать эту по-настоящему дельную задумку не стал. Почему? Не могу знать... Да и кто вообще может толком объяснить, как это, принимать решение? Просчитал «за» и «против», и вперёд? Чёрта с два! Предположим, я счёл трюк с палочкой нечестной игрой, ведь единственно мужским вариантом было бы взять приз с оружием наголо. Ну-ну. Наверное, подобная нравственная демагогия и отличает дилетанта от матёрого бандита.

Итак, сомненья и сосновые сучки отброшены, а остатки воли собраны в кулак. Я возвращаюсь к ларьку. Нервный выпад левой руки, сгрёбшей шоколадный батончик, совсем не похож на движение настоящего охотника. Скользнув в потной ладони, Сникерс вывалился на середину подоконника. Пренебрегая риском быть в буквальном смысле схваченным за руку, я подобрал свой приз и дёрнул через пустырь, в сторону малосемеек. За спиной мгновенно лязгнула стальная дверь. Преследователь – напарник продавщицы – превосходил меня в скорости. Бегун я и так неважный, а тут ещё эта оплошность при хватании шоколадки... в общем, никакой форы не было. Страх спёр дыханье, а движения казались катастрофически медленными. Правая кисть, с неестественной силой сжимавшая добычу, одеревенела от напряжения. Парень из ларька приближался, было уже отчётливо слышно его сопенье, а до подъездов девятиэтажек, на которые я так рассчитывал, оставалось ещё метров сто. Не успею!

Отчаянный взмах руки отправил шестидесятиграммовый снаряд в сторону преследователя. Судя по хлопку и последовавшей за ним ругани, шоколадка угодила неприятелю куда-то в корпус. Погоня мгновенно прекратилась, а я продолжал бежать, причём даже быстрее, чем до броска. Сигналом к остановке стала волна сырого воздуха, накрывшая меня с головой в облезлой подворотне ближайшей к лесополосе панельки. Прислонившись спиной к покрытой копотью стенке и согнувшись вдвое, минут пять простоял я, восстанавливая дыхание. Белёсая пелена, застлавшая глаза после пробежки, потихоньку рассеялась. Жизнь продолжалась.

Под пологом тёмно-лазоревого сумерек палисадниками пробрался я к бетонным столбам на границе заброшенной стройки. Там, в щель между двумя громадными блоками спрятал тесак. Заталкивая своё благородное оружие поглубже в тайник, я старался не глядеть в его сторону, как не глядят, прежде чем пристрелить, в глаза загнанному коню. «Заберу через несколько дней, уже на каникулах,» – проскользнуло в налившейся свинцом голове. «Теперь домой». Этим вечером мне не доведётся, запершись на лоджии, вскрыть

коричневую упаковку с белой надписью на синем фоне и торжественно впиться зубами в толстый слой трофейного шоколада... зато мама накормит домашней стряпнёй и напоит горячим чаем с конфетами, самыми обычными, «советскими».

* * *

Так завершился мой путь ножа. Недолгий, но поучительный, бесславный, но бескровный. И если верить восточной мудрости, конец одного пути суть начало другого. Поэтому сожалеть тут, по правде, не о чем. Наверное, выбор пути и есть главный экзамен на взросление. Выбираешь – значит взрослый. А результаты диктанта или контрольной по математике ни при чём. И не так важно, какого спутника ты берёшь с собой в дорогу, скальпель или самурайский меч, скрипку или строительный шпатель...

Что же до меня, то в те майские деньки я твёрдо решил: попробую путь книги, вдруг с ним повезёт?

© 2019, Алексей Богданов. Все права защищены.